

ИВАН ЕЛАГИН

ПО ДОРОГЕ ОТТУДА

СТИХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА
Нью-Йорк

ИВАН ЕЛАГИН

ПО ДОРОГЕ ОТТУДА

СТИХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью - Йорк

1953

COPYRIGHT 1953 BY
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

JOURNEY FROM THERE

by

IVAN ELAGIN

PRINTED IN THE U.S.A.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Иван Венедиктович Елагин родился в 1918 году во Владивостоке. Он выходец из семьи, которая уже в третьем поколении причастна к литературе. Дед Елагина был известным публицистом-краеведом. Хотя привязанность к литературе в Иване Елагине возникла еще в детстве, он избрал сначала профессию врача и поступил на медицинский факультет, но из-за начавшейся войны ему не удалось окончить университет. Много членов семьи Елагина было репрессировано. Сам поэт принадлежал к группе тех, кого официальные советские публицисты называют «внутренними эмигрантами».

Город, в котором жил Елагин, был во время советско-германской войны занят немцами. Так Елагин очутился в Германии.

Первую книжку стихов «По дороге оттуда» Елагин выпустил в свет в Мюнхене в 1947 году; вторая книжка — «Ты, мое столетие» вышла там же в 1948 году.

В настоящий сборник, хотя он и носит заглавие «По дороге оттуда», вошли стихи из обеих книжек, много стихотворений, опубликованных в разных периодических изданиях, а также ряд стихов, написанных Елагиным после переезда в США.

Было бы нетрудно в творчестве поэта найти следы тех учителей, которые оказывали влияние на его творчество. Но не хочется этого делать, чтобы не лишать читателей радости открыть и самим оценить свежее дарование молодого поэта.

Иван Елагин в основе своей лирик, но его лиризм осложнен всем трагическим опытом, выпавшим на долю молодого поколения нашего времени. Очень ярко существо этого опыта можно почувствовать с помощью одного сравнения: Чеховский Вершинин в «Трех сестрах» был уверен: «Через двести-триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной». В стихотворении, которым поэт заканчивает сборник своих стихов, он откликается на эту мечту, смиренно надеясь:

Через двести лет, через триста —
(В смерти верить не перестаю!)
На земле моей будет чисто,
Бог умоет землю мою.

О. А.

Посвящает

Автор

I. ГОРОД ЮНОСТИ

Усталый город пал в ночное лоно.
 Душе — застеноч сна.
Над головой в горбачих ветвях клёна
 Запуталась луна.

Жемчужный дым заполнил купол темный.
 И, плавая в дыму,
Глядят с тоской бездомных духов сонмы
 В надзвездную тюрьму.

Там улица кончалась. Там
Река поблескивала снизу.
Луна с карниза по карнизу
Плелась за нами по пятам!

И лестница упала там
До самой пристани, до самой
Волны сутулой и упрямой,
Надоедающей бортам.

А мы стояли у перил,
У срезанного края кручи.
А ветер тучи перерыл
И посбивал деревья в кучи.

И прядь волос — твоих волос —
Мне ветер даровал, как милость...
Как время не остановилось?
Как сердце не оборвалось?

Так. Маскарад вечерний начат.
Расторгнут занавес зари.
Как виселицы, замаячат
На перекрестках фонари!

И тени супятся, и серый
Наваливается фасад,
И улица плывет галерой,
И вспять шарахается сад!

Всё в судорогах, и трамваев
Не выпускают стыки рельс,
Покуда сумерки, истаяв,
Не завершат заклятый рейс.

Да. Только ночь поставит финиш!
Ты, ночь, безвыходная сплошь —
Оцепишь город, и нахлынешь,
И отодвинешь. И сотрешь.

Апрель! Я болен этой датой!
За крышей — голубой клочок.
И грач слетел, как завсегдатай,
На облюбованный сучок.

Кричит — и на гортанный вызов
К нему сородичи спешат.
И хлещет жижица с карнизов,
Как будто вылили ушат!

Очнутся люди, хлынут песни.
И вскрыют окон переплет.
Зашевелись скорей и тресни,
Души осунувшийся лед!

Так. Детство ранено навывлет.
Остановись в лесу, шепни:
Зачем они березы пилят
И выкорчевывают пни?

Калитку, дом и воздух самый
Не тронули шестнадцать зим.
Но шум осинника за ямой
Был жуток и невыразим!

Теперь — канава и крапива
И пожелтевшая лоза!
О, страхи детства, как красиво
Вы искажаете глаза!

А будем ли мы помнить? Или
Мы выкорчем призрак дней,
Когда мы птицу хоронили
И крестик ставили над ней?

Тяжеловесные струи
Ливень апрельский пролил,
Их на ходу оркеструя
Для проводов и кровель!

Захлебывалась мостовая
От бурной скороговорки!
В доме, не переставая,
Бились оконные створки!

Оторопев, помешкав,
Ливень пошел на попятный.
Стали уже вперебежку
Вспыхивать белые пятна.

Старый забор перекривлен,
Скомкан кустарник старый.
Гневными бивнями ливня
Размозжены тротуары!

Эти облитые кровью
Клены у изголовья!
Эти деревья — вымысел!
Это художник выместил
На пятипалых листьях
Желчную горечь кисти!

Но, скомканы и ветхи,
Облупливаются ветки
То киноварью, то охрой
На подоконник мокрый...

Всё выговорит пригород!
Выговорит и выгорит!

АНДРЕЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Из-за моста Цепного
Город возносит дома.
Ты же горишь бирюзово
Там, на вершине холма.

О как стройны колонны
И купола легки!
О как отвесны склоны
И берега реки!

Наотмашь бьёт по векам ветер меткий.
Рассвет ушел в сугробы с головой.
Со скрежетом обледенелой веткой
Размахивает тополь угловой.

Как неуютно летчику на высях!
Скитайся и туманы разрывай!
Голубоватую зарницу высек
На повороте вздрогнувший трамвай.

А ты идешь, замотанный по шею,
И окрики доносятся извне:
Прокладывают дворники траншею
На противоположной стороне.

В океане сумрак долог,
Но у мачты нам светло!
Месяц — зеркала осколок,
Парус — белое крыло!

По расшатанным помостам
До снастей добрались мы!
Видишь — волны тост за тостом
Подымают у кормы?

Ни земли, ни скал, ни мелей,
Ни огня, ни корабля...
Только темных ожерелий
На груди твоей петля!

У кормы дубовой сядем
На заржавленной цепи!
Хочешь — к падающим прядям
По черешне прицепи?

Грузным ветром парус налит,
Мачта вбок наклонена,
И того гляди — повалит
Ошалелая волна!

Шумно празелень раздвинув,
Кузов пеною оброс.
В стаю черную дельфинов
Острогу метнул матрос.

Птицы сгрудились на реях!
Это чайки — посмотри!
И на мачтах, на обеих
Закачались фонари!..

Встали за ночь сугробы в сажень.
Узкий двор мертвеца белей.
Видишь, милая, я взбудоражен,
Ну, хоть ты меня пожалей!..

Может быть, это только усталость,
Но я помню: всю ночь напролёт
То ли птица у окон металась,
То ли волк завывал у ворот!

Всё, что видишь в бреду — не упомнишь,
Только в нем что-то вещее есть...
Твое имя возникло на помощь,
Но его я не мог произнести!

Горят за окнами напротив
Алмазы звездного ковша.
Над лирой, брови озаботив,
Склонилась Муза, не дыша.

На человеческую ложь
Обрушься огненным тайфуном,
И в этом хаосе подлунном
Сердца и кровли растревожь!

За жизнь, растраченную наспех,
За слёзы в каторжном пути —
Гори в непримиримых распрях,
Земле и людям отомсти!

Вот мы покинули порт!
Ветер, мой верный попутчик!
Хлещет волна через борт,
Чайки на мачтах скрипучих!

В сумерках берег красив!
Горные гребни лиловы...
Парус под ветер скосив,
В море идут рыболовы!

Остановись — бокал не допит
И тосты грянули не все!
А ветер облака торопит
И гонит к чёрной полосе...

Скудеет мир, и гордых былей
Взывают голоса слабей.
Вино божественное вылей
И на камнях бокал разбей!

Пиры не возродятся боле,
Не огласятся впредь дома
Рабами Джиованниоли
Иль мушкетерами Дюма,

Не скроет мстительную шпагу
Мелькнувший колокол плаща...
А ты... ты не пройдешь и шагу,
Не оглядываясь из-за плеча!

Лишь в комнате, за плотной шторой,
Ты пожалеешь, человек,
О той свободе, о которой
Забыли в этот чёрный век!

О Россия — кромешная тьма...
О куда они близких дели?
Они входят в наши дома,
Они щупают наши постели...

Разве мы забыли за год,
Как звонки полночные били,
Останавливались у ворот
Чёрные автомобили...

И замученных, и сирот —
Неужели мы всё забыли?

1938 г.

Еще ломаем руки в гневе,
И негодуем, и клянем,
Но в лабиринте ежедневий
Отупеваем с каждым днем.

И равнодушие изведев,
Не захотим поднять копья.
И внуки позабудут дедов,
Как позабыли сыновья.

Обуглен ветром сад. Как сумерки коротки!
Бескровный луч зари над Волгою поблѣк
И зыблется едва на выступе решѣтки
Последний отблеск дня — пурпурный уголѣк.

Просторная река, я от тебя далѣк,
Но и года спустя воспоминанья чѣтки:
И баржи, и плоты, и парусные лодки,
Как будто я опять у берега прилѣг!

Здесь те же облака и рдеют зори те же,
Такой же над рекой свисает черный сад...
О, осень, спутница раздумий и досад!

Как беден твой наряд у здешних побережий!
От ливней и ветров, их пасмурных осад,
Он с каждым днем темней и с каждым часом реже!

Где у мола грузили арбузы
И таилась в камнях камбала,
Там мне музами были медузы,
А подругой татарка была!

Ни скалы, ни кустарника — скудно!
И тропа уводила на мыс:
Там стояло пробитое судно,
Озадаченно парус повис.

Но о трюмах, о тросах, о трапах
Рассказала нам шхуна сполна,
И смолы уголяющий запах
Доносила до мола волна!

Степь. И всходит месяц белесый
Из-за лиловых завес.
Степь. И скачет всадник раскосый
С пикою наперевес.

То взлетит, то в травах потонет...
Конь половчанина лют!
Если вражьи стрелы догонят —
Вцепятся и заклюют!

Так взвивайтесь вослед и рвитесь,
Гибелью черной звеня!
Но добычи не бросит витязь,
Не остановит коня!

О, недаром недругов лютых
В шуйце завязло копьё!
О, княжна! В половецких путах
Острые груди ее!

Ни зги, но ветер. Уличным фигляром
Снует фонарь. И мир опустошен.
В такую ночь бродить по тротуарам,
На брови сдвинув черный капюшон!

И проникать за тайну строгих ставен,
В чужую темень мысли уводя,
И вдруг понять, как повторим и давен
Весь этот сон из ветра и дождя...

О снег врасплох! О гибельный набег
На провода, на ярусы фасада!
Как негодует сад! Но снег и снег —
Он день и ночь идет на приступ сада.

Уже сугробы тяготят карниз,
Уже завязли, и в снегу по пояс
И ель, и вяз... Он глыбами навис,
Между ветвями царственно покоясь.

Вплотную к окнам жметесь синий пласт.
Еще вершок — и форточки засыпет!
Нет, ласточке не улететь в Египет,
И всё до тла Счастливый Принц раздаст.

У зимних яблонь — твердый наст.
Так неожиданно и редко
Дождем серебряным обдаст
Пошелохнувшаяся ветка.

Туда, туда, где снег высок,
И помнят папоротник стекла,
И льда отточенный кусок
Под крышею, как меч Дамокла!

Отталкивался дым от папирос
И обволакивал изгибы кресел,
И медленно приподымаясь, рос
И облаками комнату завесил.

Редели стены, ширился провал,
И море выросло посередине.
И голос женщины повествовал
О нелюдимом Александре Грине.

О гаванях, где каждый парус пьян,
Где родина несбывшаяся наша,
Где в бурной тьме безумствовал Аян
И Гнор ступил на побережье Аша.

Туда, к архипелагу непосед!
В страну задумчивых и безрассудных!
Привет переплывающим Кассет
На перегруженных по горло судах!

Идти, отстаивать за пядью пядь,
Бродяжничать и промыслять разбоем,
Наскучит — ветром паруса распяты
И выйти в море с лоцманом Битт-Боем!

Когда ж на бриг обрушится норд-вест —
Бороться в рукопашную с волнами,
И побеждать! И видеть Южный Крест,
Рукою Бога поднятый над нами!..

МОЯ ПЕПЕЛЬНИЦА

Отчего, не знаю, взоры
Неожиданно привлек
Этот звякающий шпорой,
Этот бронзовый сапог!

О бреттерах и о мотах
Рассказали, как слова,
Кружева на отворотах,
Щегольские кружева.

А за окнами всё то же:
Тот же тополь, тот же дом,
Тот же сгорбленный прохожий,
Тот же двор, покрытый льдом...

С глаз долой! Спустите шторы!
Мы устроим век иной!
Здесь сегодня мушкетеры
Побеседуют со мной!

Попрошу, чтоб рассказали
Всё, что знали на земле:
О боях, о кардинале,
О надменном короле.

О дорогах, и тавернах,
И аббатствах вековых,
О любовницах неверных,
О дуэлях роковых!..

У боченка сядут гости,
Будет смех и стук костей,
И монет тяжелых горсти
Лягут в складках скатертей.

Всё растает на рассвете,
Как бургундского пары,
И останусь я, да эти
Стены, книги и ковры...

За опущенною шторой
Я до утра лампу жёг,
Оттого, что звякнул шпорой
Мушкетерский сапожок!

Там сук над водой перегнут,
И берег отчетливо выписан...
Мне кажется, я — Пер Гюнт,
Которого выдумал Ибсен!

Выдумал и обрек
Скитаться в скалах и насыпях...
Встала заря поперек
Елей, распахнутых наспех.

Что это? Рондский бор?
Хижина? Кто ее выстроил?
Память — как возглас в упор,
Как водопад, как выстрел!

И сразу — от белых камней
До кустика — всё опознано!
О, Сольвейг! Выйди ко мне,
Если еще не поздно!

Там тень извозчика на козлах
В сугроб упала голубой
И вереницу звезд промозглых
Туман волочит за собой.

Там стонет каменное ложе
Воспетой Пушкиным реки,
И тот же мост, и небо то же
Висят, столетьям вопреки!

Там, к ночи подступя вплотную,
Былая жизнь глядит в упор:
Раскольников через Сенную
Проносит под полой топор!

Там, на Столярном, в доме Штосса,
В руках у мертвого — онер,
И на партнера смотрит косо
Проигрывающий партнер...

Там, вдоль по Невскому со свистом
Мчат лихачам не надоест,
И делом заняты нечистым
Те двое, что вошли в подъезд!

Там эхо тысячами мокрых
И гулких набережных плит
Ночного будочника окрик
До самого рассвета длит.

ТЕРЦИНЫ — АКРОСТИХ

Аборигены моря и таверны!
Ликующие гавани, огни!
Еще буссоли и квадранты верны.

Крепчай зюйд-вест и Южный Крест нагни
С расшатанных небес к согбенным реям!
Акулам лишь и демонам сродни

На одичалом корабле мы реем.
До парусов швыряет пену шквал,
Растет волна зеленокрылым змеем!

Гарпуном в грудь иль ромом наповал
Разит судьба, но несравнима доля —
Изведав бури, обрести привал

На развеселых доках Сан-Риоля!

Брызги охры и кармина — осень!
Угли милого камина — осень!

За оградой парк — цыганский табор,
И поет, поет рябина — осень...

Отчего ж из моего стакана
Не допита половина, — осень?

По зимнему бор оскален.
Дом из бревен. Над ним звезда.
Окно инкрустировал Галлен
Кусками цветного льда.

И бревна, и клочья пакли,
И серые сучья двери —
Солью озерной пропахли
Снаружи и изнутри.

Но кажется очень чинным
Этот суровый уют:
Даже гнездо над камином
Деревянные птицы вьют!

Чернильница! Досталось и тебе
Волнений от сегодняшнего полдня!
Он простучал капелью по трубе,
Тебя до края звонами наполня!

Он целый час надоедал окну
Потрескиваньем падающих льдинок!
Опять перо в чернила окуну
И вызову весну на поединок!

И буду спотыкаться о софу,
И нарушать расположение стульев,
Чтоб взять измором первую строфу,
Ее в пустом углу подкараулив!

И снова буду, ночи вопреки,
Бродить по изнуренным коридорам!
Как образумить вас, черновики?
Какой избрать? Смириться на которм?

Уже рассвет! Уймись. Не бормочи.
Прислушайся: там шевелится город,
И с набережной шалые грачи
Тебе кричат, советуют и вторят!

Как руки — властители клавиш,
Как ветер моря подчинил —
Так ты этой ночью возглавишь
Веселую бурю чернил!

Ты странствовать не перестанешь,
Куда бы рассвет ни завез...
О, сколько для Музы пристанищ
У гор, океанов и звезд!

II. СМЕРТЬЮ ПОДУЛО

Всё помню об этих ивах
У каждой — врожденный вывих.
О как обнимала ты их!

Там берег песчанен и плосок,
Там мост переброшен из досок,
Там песни повис отголосок.

И тянутся версты и версты
Озер и кустарников черствых.
И всё это — ивовый остров.

Там ялик у берега хлюпал
И месяц веселый и щуплый
Обшаривал узкие дупла.

А если сегодня он выплыл,
То он не веселый, а гиблый:
Там пушки беседуют хрипло!

От каждого дерева — гулы!
И с каждого дерева — дуло!
От каждого — смертью подуло!..

Муза мстит. Всю дневную склоку,
Мышью скупость, кривые кивки —
Помнит всё, и поставит в строку,
И не вымолишь ни строки.

Не заметишь птицу ночную,
Севшую на ветлу,
И уже не встанут вплотную
Облака к твоему столу.

Поперек завалено щепнем,
Стенами заслонено...
А давно ли окном волшебным
Было твое окно,

Открытое по утрам
Всем четырем ветрам?

Одеялом завешены стекла,
Тишина стоит у плеча.
Скудный луч на томик Софокла
Клонит нищенская свеча.

Все пугают огнем да газом —
Нос не высуну из норы!
Лучше б бомбы и газы разом,
Да и к прадедам в тартарары!

Милый ад: ни пушек, ни ружей...
Старый ад с хромым сатаной!
Чем он хуже кровавой лужи,
Именуемой — шар земной?

О нет ни гнева, ни обиды —
Россия — тень, и сердце — тень,
И все суставы перебиты
У городов и деревень...

Течет исплаканное небо
К чужой стране, к чужим дверям...
То Русь — гигантская амеба —
Вытягивается к морям!

Рвись, проволока на заставах,
И пограничный столб — вались!
В лесах литовских, в польских травах
Теки, воинственная слизь!

Быть может, выйдя за пределы,
Заполня мир, ты сгинешь в нем,
Ты станешь грязью поредолой —
И высохнешь — и мы вздохнем...

1939.

О К Т А В Ы

Парк лихорадил. Кашляли, ощерясь,
Сухие липы. Ветер, озверев,
Кидался, переваливаясь через
Ограду парка, на стволы деревьев
И там шумел. В такие ночи Эрос
На смертных свой обрушивает гнев
И мечет безошибочные стрелы
В пределы сердца. В сумрак застарелый.

Я путал за аллею аллею
И всё пытался отыскать скамью,
Твою скамью, которую не смею
Забыть, которой запах узнаю,
Чтобы до утра выстоять над нею
Чтобы заставить молодость мою
Хотя бы обернуться напоследок
И мне кивнуть из каменных беседок.

Немногое мы называем благом,
А счастью не надобны слова.
Мы низом шли, ступая по корягам,
И моего касалась рукава

Твоя рука. Спускающимся флагом
Тонула осень в логовище рва.
А ров был мир находок и разведок.
Ты шла и капли стряхивала с веток.

Когда бы знать, куда мы счастье денем,
Его и на неделю не продля!
Зачем тебя избрали мы владеньем,
Диковинная горькая земля?
Зачем вином наполнены осенним
Как праздничные чаши, тополя,
Когда разлукой вымостили боги
Все тропы, все пути и все дороги?

Когда бы знать, что всё оставя, кинусь
В твои овраги, заросли, репы!
Здесь и деревья просятся: «Возьми нас,
Веди к ней — мы свидетели твои!»
И два листа навстречу ветер вынес
И положил на краешек скамьи...
Благодарю, внимательные листья,
Протянутые руки бескорыстья!

Еле виднеется
Большая Медведица.
Сутулятся у крыльца
Хрустальные деревца.
На улице гололедица.

Гнулись ивы в три погибели
В сторону из стороны!
Высоко фонтаны выбили
Три хрустальные струны.

Всё под ветром кустик вздрагивал,
И катился лист в траву,
И смеясь, амур натягивал
Золотую тетиву...

Любезная сердцу осень!
Сваленный хлам театральных кулис!
Раскрашенный куст на подставке,
Пожухлый и пыльный.
Сбитые в кучу куски полотняных небес
Алых и синих,
Высоких и низких,
С прибитой у края звездой!

Мир — и в оркестре сквозняк...

Любезная сердцу осень!
Рыжий парик на каштане.
Жалкие слёзы
Жалких актеров
По лицам размазали грим.

Ты вся — эскиз карандашом.
Ты сложена легко и плотно.
Таких фламандцы на полотна
Пускать любили нагишом.

Таких изображали там,
Где прямо пьют вино из бочек,
Целуются без проволочек
И бьют себя по животам!

Вот вечер — медлит и плывет
И облака смешные лепит,
И кажется — луна вот-вот
За крышу здания зацепит.

А рядом музыка. Томят
Смычка невидимые взлёты,
И на балконе воздух смят
Волной вибрирующей ноты.

Смычок занесен в высоту!
Иль ты не видишь — в скачке дикой
Огромный всадник налету
Застынул с вытянутой пикой?

Стоим, дыханье затая,
Пока не сгинет всадник где-то,
Как будто наша жизнь воздета
На острие его копья.

Звонит трамвай, скрипят телеги
И всё под снежной пеленой.
О, этот снег! Моих элегий
Он был единственной виной.

А в небе сыро, в небе вяло,
Как будто небу тяжело:
Само себя держать устало
И вот на кровли прилегло.

Какая б участь ни судима,
Как ни была бы жизнь строга —
Но только б вечно плыли мимо
Качающиеся снега!

Пусть в этом очень мало смысла
Для рассудительных умов —
Но только б вечно небо висло
Между деревьев и домов!

С О Н

Ели во весь рост
А за сугробом — вебрь.
Ров. Надо рвом мост.
На воротах — герб.

Дом, как большой сруб.
Стены — и сквозь них
Зеркало — свечи — глубь
Девушка и жених.

Только во сне так
Поступь страшна слуги!
Только во сне так
Все говорят шаги!

Только во сне так
Окна наискосок
И потолок высок!

Девушка — вся свеча!
До полу лен косы.
Ошейниками бренча,
Ворочаются псы.

Сегодня тебя увезу
В свадебных снях!

Тяжко, тяжело внизу
Охнула дверь в снях.

.....

Н. Ж.

Их было много — золотистых ливней.
Тебя ломали страстные струи.
Но с каждым днём глядели всё наивней
Глаза ошеломленные твои.

Я шел на них! И падал под ударом!
(Господь, глаза ее умилосердь!)
Так тянутся к автомобильным фарам,
Несущим ослепительную смерть.

Я шел на них! А ветер плыл гигантом
И оставлял на мокрых тучах шрам.
И в сумерках бродячим музыкантом
Ходила осень по пустым дворам.

Я знал, что поздно! Знал, что ставка бита,
Что счастье изменяет игроку!
Но я бросался счастьем под копыта,
Чтобы остановить на всём скаку!

И знал: его уже не остановишь!
Мелькнет! Ударит! Рухну! Наповал!
Из всех небесных, всех земных сокровищ
Я только глаз твоих не целовал.

Смеркается. И запах хвои слаще.
Смолистый воздух кажется весом.
Вот так бы век! Когда б не этот смазчик,
Склоненный над чугунным колесом!

О чем же я? Так. О смоле. О хвое.
Всплывают дни поочередно все.
Платформа. Вечер. Музыка. Мы двое.
Когда бы суть не в этом колесе!

Но только сдвиньте, только с места троньте
И всей тоской обрушится отъезд!
Распахнутая ель на горизонте
Над всем, что было, вычертила крест.

И поезд скачет с насыпи на насыпь,
Укачивает и трясёт до слёз,
Как будто зуб не попадает на зуб
У рельс и шпал, у стыков и колёс!

Он день и ночь пространство бьёт навывлет
И до краев разлуками налит.
В одном конце кого-то обескрылит,
А на другом кого-то окрылит!

Как вечерами тротуары глухи
Как сердцевина города мертва,
Где тучные мошенники и шлюхи,
Как синие прожорливые мухи,
Слетались в ресторанные хлева!

Теперь их нет. Куда девалась наглость?
Еще и первый выстрел не остыл —
Скорей — окно бумажками крест-накрест,
Трюмо на грузовик — и в тыл!

Мы едем. Улицею ли?
То мостовая или ад?
Автомобиль, юли, юли
Между столбов и баррикад,
Между рогаток наугад —
Врывайся в этот непрогляд!

Что там чернеет поперек?
Канавы, вывески иль ровы?
Не сбережешь ни рук, ни ног:
Тут собирает ночь оброк
С автомобильных катастроф,
С перевороченных дорог!

В парадном ночь и стужа. В две коптилки
Горит окно на верхнем этаже.
А тополя — обломанные вилки
Нечищенного темного фраже.

От пешеходов улица отвыкла
И ночь забыла паровозный свист...
Чу! За углом — возня у мотоцикла,
И удаляется мотоциклист,

И глухо вновь... Скорее дьявол взял бы
Весь этот мир, весь этот тусклый хлам!
Как бы в ответ — заносчивые залпы
Перерубают воздух пополам.

О С А Д А

Опять сумасшедшие хлопья
Ликуют, ныряют, парят,
Целуют чугунные копы
Твоих обреченных оград!

Усталый, голодный, военный —
Ты скорчен в предсмертном броске,
И бьется затравленной веной
Нева у тебя на виске!

Они прошли по тысяче дорог —
К Парижу, к Брюсселю, к Антверпену, к Варшаве —
И целый мир от ужаса продрог,
Прислушиваясь к их чугунной славе,
И тяжестью непрошенных знамен
Там каждый камень был обременен...

О сколько их в плененных городах!
Над всей Европою насильственно воздетых —
На башнях, академиях, судах,
Парламентах и университетах,
На ратушах, музеях, крепостях —
Всё тот же издевающийся стяг...

Скабрезно каркнув, пролетает грач
Над улицами, проклятыми Богом,
Над зданиями, рвущимися вскачь
Навстречу разореньям и поджогам,

Над рухлядью ненужных баррикад,
Над остовом обугленным квартала,
Откуда пламя рвалось наугад
И чердаки окрестные хватало...

И судьбы, и жилища сметены.
И там, в нечеловеческом закате,
С перегнутой над улицей стены,
Свисают заржавелые кровати.

Осунувшись и сгорбясь и унизясь,
Дома толпятся по очередям
И нищеты жестокий катехизис
Твердит зима базарным площадям.

А рядом бой. Полнеба задымил.
Он повествует нам высоким слогом
О родине. И трупы по дорогам
Напрасно дожидаются могил.

КАМАРИНСКАЯ

В небо крыши упираются торчком!
В небе месяц пробирается бочком!

На столбе не зажигают огонька.
Три повешенных скучают паренька.

Всю неделю куралесил снегопад..
Что-то снег-то нынче весел невпопад!

Не рядить бы этот город, — мировать!
Отпевать бы этот город, отпевать!

Там небо приблизилось к самой земле.
Там дерево в небо кидалось с обвала,
И ласточка бурю несла на крыле
И лестница руку Днепру подавала.

А в августе звезды летели за мост.
Успей! Пожелай!.. Загадай! Но о чем бы?
Проторенной легкой параболой звезд
Летели на город голодные бомбы.

Не помышлять, не думать об уюте.
Не отогреть чернила на столе.
Туманен кабинет, и столбик ртути
Давно остановился на нуле.

В сугробах двор, и окна в снежной мути,
И узенькие ветки в хрустале.
И долго мы признательны минуте,
Случайно пересиженой в тепле.

Но ты — поэт. Гляди в лицо пурги,
И стисни мозг, и нервы напряги!
Пусть колет лёд по этим нежным нитям!

И что нам лёд? Ты только лиру тронь —
И он расплавится. Тугой огонь
И в этот раз мы у богов похитим.

В палисаднике шесть занозин
Тараторят речитатив.
Вы простите, что несерьёзен
И с деревьями неучтив!

Да деревья ли? Просто ветошь!
Каждый кустик ветром измят!
Я в притворстве совсем несведущ,
Я поэт, а не дипломат!

Для прогулок несносен климат
И покинул дом истопник...
Но всё же они не отнимут
Наших причудливых книг!

Хотя и не знаю толком,
Какую из них разверну,
Но, блуждая по книжным полкам,
Мы отыщем такую страну,

Где электричество в доме,
И дровами очаг набит,
И нет места обидам, кроме
Самых высоких обид!

Слова, что камень — никогда не дрогнут.
Я их ваял, всю нежность соскребя.
Мой бедный стих! Ты наглухо застегнут.
Какие ветры распахнут тебя?

За то, что я прикинулся поэтом,
За то, что музу называл сестрой,
За то, что в мир ушел переодетым
В чужое платье, на чужой покрыв —

Мой каждый слог мне ложем был Прокруста!
Мой каждый стих рождался чуть дыша!
Смирительной рубашкою искусства
Спеленута свободная душа.

Мой горизонт словами был заставлен.
Они всё солнце заградили мне!
Затем, чтоб стих был набело исправлен
Вся жизнь моя заброшена вчерне.

Я предал жизнь! Обиду за обидой
Я наносил ей сам своей рукой!
Я приказал ей быть кариатидой,
Согнувшейся под каменной строкой.

Уже последний пехотинец пал,
Последний летчик выбросился в море.
А на путях дымятся груды шпал
И проволока вянет на заборе.

Они молчат — свидетели беды.
И забывают о борьбе и тлене
И этот танк, торчащий из воды,
И этот мост, упавший на колени.

Но труден день очнувшейся земли.
Уже в портах ворочаются краны,
Становятся дома на костыли...
Там города залечивают раны.

Там будут снова строить и ломать.
А человек идет дорогой к дому.
Он постучится — и откроет мать.
Откроет двери мальчику седому.

Топчемся, чужую грязь меся.
Тошно под луною человеку.
Отвязаться бы от всех и вся!
С темного моста да прямо в реку!

Гибнет осень от кровопотерь,
Улица пустынна и безлиства.
И не всё ли мне равно теперь —
Грех или не грех самоубийство,

Если жизнь тут больше непричем,
Если всё равно себя разрушу,
Если всё равно параличом
Мне давно уже разбило душу.

Думал — осенью буду счастливым,
Да со счастьем всегда нелады,
И обрызганы мюнхенским пивом
Эти мюнхенские сады.

Я давно уже в роли растяпы
И за жизнью тащусь позади,
И поля моей старенькой шляпы
Обломали чужие дожди.

Я серьёзных не слушаю споров,
Да и шуток уже не шучу.
У судьбы-то прижимистый норов,
А противиться не по плечу.

То на улице мерзну безлюдной,
То слоняюсь среди пустырей,
Чтоб какой-нибудь смерти нетрудной
Приглянулся бы я поскорей.

Год за годом — верста за верстой...
А про счастье слыхали наслышкой.
Все мы платим земле за постой
Сединою, тоской и одышкой.

А быть может и счастья-то нет,
Есть одни надоевшие бредни.
А вели нас к нему в кабинет,
Да оставили в грязной передней.

Что ты лжешь мне, постылая жизнь!
Разве мало тебе идиотов?
Отцепись от меня, отвяжись!
Я тебя уже сбросил со счетов.

Подводила к высокому вязу,
Зазывала в глухие поля...
Твоему голубому отказу
Я не сразу поверил, земля.

Для того ли в туман приальпийский
Уводили меня колеи,
И твои золотые записки
На дороги летели мои,

Чтобы сгинуть в беззвездной Европе,
Где панели тоской налиты,
Где рассвет, как забойщики в копях
Отбивает от ночи пласты,

Где как сумерки улицы стары,
И на каждых воротах броня,
И смертельные желтые фары
Отовсюду летят на меня,

Где сады багровеют от желчи
И спешат умереть облака,
Где тоскуют и любят по-волчьи,
И бросаются вниз с чердака.

Лужицы, как цинковые миски.
С крыш, с деревьев, с проводов течет.
По камнях дожди, как машинистки,
Отстучали годовой отчет.

На ходу влетают мне за ворот
Два кленовых солнечных листка.
Это осень оставляет город,
Вдоль дорог бегут ее войска.

И вослед уйдут последним взводом
Белые листки календарей,
И воскликнут люди: «С новым годом!»
Чтобы стать еще на год старей.

Облетают мысли с каждым шагом.
Прохожу по скверам не спеша.
Скоро выйдет к миру с белым флагом
Перемирье заключать душа.

Каштановым конвоем
Окружено окно
И вся земля запоем
Пьет красное вино.

Мой голубой автобус
Уходит на бульвар.
Как мне понятна робость
Его туманных фар!

Он весь, как на эстраде,
Под рыжей бахромой.
И люди в листопаде
Не ходят по прямой.

От парка и до парка
Он ветрами несом.
И осень, как овчарка
Бежит за колесом.

День отступит, тьма поборет,
Выйдут звездные полки...
С Новым Годом, старый город!
С Новым Горем, земляки!

Тот повесится в уборной,
Этот сбросится с моста,
У кого-то ночью черной
Вынут дуло изо рта...

Кто еще нас объегорит,
Счастье новое суля?
С Новым Годом, старый город,
С Новым Голодом, земля!

За далекой переправой
Может, бросим якоря,
Где-то проволокой ржавой
Повстречают лагеря.

Не повесят, так уморят,
Не леса, так рудники...
С Новым Годом, старый город!
С Новым Горем, земляки!

Кончается ночь снеговая
И крыши всплывают грядой.
Звезда над дугою трамвая
Дрожит Вифлеемской звездой.

Ночь канула, с места не тронув
Двухтысячелетней канвы,
И где-то с вокзальных перронов
Выходят седые волхвы,

И елка в окне магазина
В плену золотого дождя...
Но старые три господина
Ушли, никого не найдя.

Млечный путь осел на колею.
День жесток, а ночь еще жесточе.
У столба дорожного стою
За колючей проволокой ночи.

Так же будет сотни лет спустя.
Ни один не вырвется из клетки.
Так же будут наклоняться ветки,
Первобытным ужасом хрустя.

Кто мы? Для чего мы и откуда —
Проволокой звезд обнесены?
Говорят, Тебе мы снимся, Будда,
Скверные Тебя тревожат сны.

Ты — подброшенная монета,
И гадают Дьявол и Бог
Над тобою, моя планета,
На какой упадешь ты бок.

Ты летишь! Ты попала в штопор,
Не раскрылся твой парашют.
Затрещала твоя Европа,
И портные твои не сошьют.

В торжествующем урагане
Голос Бога уже невесом.
Ты в космическом балагане
Стала чортовым колесом.

По тебе пробегают танки
И пожар по тебе клубит,
И уже отдаленный ангел
Над тобой в вышине трубит.

Этот день, — он настанет скоро!
И в последнем огне горя,

Разлетятся твои соборы,
Министерства и лагеря...

Но не слышит земная челядь,
Что уже распаялась ось:
Что-то мерит, и что-то делит,
Что-то оптом, и что-то врозь...

И молиться уже бесполезно,
Можно только кричать в небеса:
— Зашвырни нас куда-нибудь в бездну,
В бездну с чортова колеса!

Памяти дочери.

Так ненужно, нелепо, случайно
Разлетаются дни, как пыльца.
Детский гроб и снега Алленштайна —
Вот чему не бывает конца.

Там в снегу, как в тумане, как в дыме
Мы по улицам тесным идем.
Там короткое выжжено имя
На кресте раскаленным гвоздем.

Может-быть, мы сидим и поныне
Там, в пустом неприглядном кафе,
И нам снится — мы где-то в Берлине,
Присужденные к аутодафе...

Пусть состаримся мы в Сингапуре,
Но со всех отдаленных окраин,
Через все океанские бури
Мы пробьемся к тебе, Алленштайн.

Наше место за столиком свято!
Ты продрогла, я тоже продрог;
Ты нам налил, трактирщик, когда-то
Этой смеси, похожей на грог...

Мы к тебе по дороге *оттуда...*
И расскажем мы, сидя в тепле,
Как мы наше короткое чудо
Незнакомой отдали земле.

III. МУЗЕЙ ВОЙНЫ

Спят на фасаде даты.
Перед фасадом щебень.
Жил в этом доме когда-то
Гофман фон-Фаллерслебен.

Тесная деревушка.
Вывески крыты ржою.
Снова судьба — кукушка
Ткнула в гнездо чужое.

«Deutschland über alles»
Кто-то вписал любовно,
Там, где в кирпич вплетались
Выкрашенные бревна.

.....

Стремителен и придушен,
По улицам и полям,
От комнат и до конюшен
Метался панцер-аларм.

Казалось, обвисли нервы,
А он еще истязал!
Встал на дороге первый
Бронированный ихтиозавр.

Горячий, отяжелелый,
Он грузно пополз по песку,
Сверкая звездой белой
На обожженном боку.

И мы, на него глазаея,
Стояли ошеломлены
В этом страшном музее
Окончившейся войны.

Когда он пропал за сараем,
Ты, обратясь ко мне,
Сказала: «Давай, погадаем
По надписи на броне!»

И как бы в ответ он прямо
Вырос из-под земли.
И мы прочли «Алабама»,
И в сторону отошли.

От океанских закатов,
До садика за углом

Он небо далеких штатов
Пронес над своим жерлом.

.....

Так же тускнеют даты.
Верно, убрали щебень.
Жил в том доме когда-то
Гофман фон-Фаллерслебен.

А мы уже в сотом доме —
Маемся кое-как.
Нет для нас дома, — кроме
Тебя, дощатый барак!

В какую трущобу канем?
Кто приберет к рукам?
Скоро ль конец гаданьям
По танкам и по штыкам?

И чорт ли нам в Алабаме?
Что нам чужая трава?
Мы и в могильной яме
Мертвыми, злыми губами
Произнесем: «Москва».

От полустанка до полустанка,
То водокачка, то вагонетка,
Полка, бутылка, консервная банка,
Поле, да поле, да изредка ветка!

От разлуки до разлуки,
От судьбы и до судьбы,
Взяли душу на поруки
Телеграфные столбы!

Телеграфные столбы —
Соглядатаи судьбы!

Ветер бреющим полётом
Бьёт по спинам поездов,
И поёт, поёт по нотам,
Бесконечных проводов!

Пой на тысячу ладов,
Ветер нищих! Ветер вдов!

Строили да рухнуло,
Разлетелось в пух!
Бомбами из Мюнхена
Вышибали дух.

Славился музеями,
Впутался в бои!
Пулями осмеяны
Статуи твои.

Заново не выстроим,
Миру не вернем
Скошенное выстрелом,
Смятое огнем.

Памятник и госпиталь,
Церковь и приют.
И поныне к Господу
Камни вопиют.

И на небе вызаря
Ржавчину крестов,
Весь летишь ты к Изару
Броситься с мостов.

Я проходил по улицам чужим.
Из подворотен выплывала сырость.
И вот, как вечность неопровержим,
Крутой собор передо мною вырос.

Он говорил: ты наглухо прибит
К тяжелому, заплаканному миру.
Сойди на миг с твоих земных орбит,
Плыви со мной по звездному пунктиру!

Он делался всё выше и острее,
Он в небесах искал себе упора,
И я сгорал на каменном костре
В средневековом пламени собора.

А рядом содрогалась от стрельбы
Моей земли последняя дорога.
Мне в эту ночь клялись в садах дубы,
Что близок день, что мы увидим Бога.

Из Дагмар Ник.

Дальше, дальше. Там ребенок. Брось.
Пусть кричит, он разможен снарядом.
Как кулисы, ветер гнёт фасады
Вкривь и вкось.

Кто-то руку взял мою рывком
И повлек, смятением объятый,
Лик его, как лист бумаги смятый,
Незнаком.

Может быть, и ты дрожишь впотьмах,
Всё отдав, за жизнь цепляясь эту?
А во мне почти и жизни нету.
Только страх.

Кто нам солгал, что умерла война?
Кто опознал ее среди усопших?
Еще по миру тащится она
И рядом с ней ее хромой сообщник.

Она идет за нами по пятам
И валит нам на головы руины,
И к пароходным тянутся бортам
Блуждающие в океанах мины.

Она лежит на дне сырого рва
В гранате, как в заржавленном конверте
Не верьте ей! Она еще жива,
Жива еще, беременная смертью!

Украденную юность доканав,
Она и правду на земле задула.
Еще столетье будут из канав
Глядеть на нас зевающие дула!

О сколько раз еще из-за угла
Нас оглушат по черепу и ребрам,
Чтоб эти двое, глядя на тела,
Обменивались хохотом недобрым!

За то, что руку досужую
Не протянул к оружию,
За то, что до проволок Платтлинга
Не шел я дорогой ратника,
За то, что не пал под трехпламенным
Мученическим знаменем —
За это в глаза мне свалены
Всех городов развалины,
За это в глаза мне брошены
Все, кто войною скошены,
И вместо честной гибели
По капле кровь мою выпили
Тени тех самых виселиц,
Что над Москвою высились.

Что останется? Ржавчина свалок,
Долгий голод, рассказы калек...
И подумают дети, что жалок
Был прославленный пулями век.

Что им скажут какие-то числа
Покоробленных временем дат,
Там, где криво дощечка повисла
Над твоею могилой, солдат?

И никто не узнает, что душу
Ты отыскивал в черном бою,
Там, где бомба хрипела — «разрушу»,
Там, где пуля свистела — «убью»...

Где прошел ты, весь в дыме и пепле,
В дыме боя и пепле седин,
Там, где тысячи гибли и слепли,
Чтобы солнце увидел один...

Кому-то кто-то что-то доказал
И убедил кого-то кто-то в чём-то.
Стоит с пробитой крышею вокзал
И всюду хаос Божьего экспромта.

Наказывай! Нас не прельщает рай,
Твой тихий рай, Твой остров голубиный!
На головы нам молнии роняй!
Топи в морях! Гони нас в рай дубиной!

Во имя человеческой тоски
Мы отречемся от Твоей опеки,
Чтоб драться вновь за рыжие пески,
За облака, за голубые реки!

Сжигай до тла! Мы выдержим напор.
Гори, земля! Клянусь над пепелищем:
Мы первобытный каменный топор
В тысячелетних залежах отыщем!

Мы выстроим наш непутевый рай!
Наш дымный рай! Мы не хотим иного!

Останови! Разгневайся! Карай!
Нам по счетам выплачивать не ново!

Твоя цена не будет дорога.
Платили мы, и всё сполна заплатим
За наше право убивать врага
И другу отвечать рукопожатьем.

IV. ТЫ, МОЕ СТОЛЕТИЕ

Тупик. И выход ни один
Из тупика еще не найден.
И так от детства до седин,
От первых до последних ссадин.

Бомбы истошный крик —
Аэродром в щебень!
Подъёмного крана клык
На привокзальном небе —

Ты, мое столетие!

Поле в рубцах дорог:
Танки прошли по полю.
Запертое в острог,
Рвущееся на волю —

Ты, мое столетие!

Ищущее конец,
Бьющееся в падучей,
Мученический венец
Проволоки колючей —

Ты, мое столетие!

Кручу за пядью пядь
Брали. И вот со склона

Ринувшееся вспять,
Все растеряв знамена,

Ты, мое столетие!

Брошенное на штык,
Дважды от крови ржавый,
Загнанное в тупик
Дьяволовой облавой —

Ты, мое столетие!

Царственные века
Были твоим подножеством.
Продано с молотка,
Выжжено гневом Божиим —

Ты, мое столетие!

Кости с тобою сложим!

Плоть от плоти твоей,
Шиты твоим покровом.
Бурей своей пои!
Кровью своей напоим!

Верности клятву прими,
Ты, мое столетие!

Над ветлами, над ульями,
Над липами, над пчелами,
Гудело утро пулями,
Свинцовыми, тяжелыми,

Трещало автоматами,
Глушило миномётами,
Кто прятался за хатами,
Кто жался под воротами,

А мертвые, кто во поле,
Кто брошены на отмели...
Прохвастали, прохлопали,
Чуть полстраны не отдали!

Родимые, да что ж это?
Никак земля наша-то!
Вся жизнь на вобле прожита,
А пушек-то не нажито!

Была ж Россия мамонтом,
А не прошло полвеку-то —
Сожгли тебя! От сраму-то
Тебе деваться некуда!

Обрадовались, грабили,
А непокорны ежели,
Мужик ли это, баба ли
На перекрестках вешали!

Как у своих-то перчено,
А у чужих-то солоно!
Как из огня теперича
Попали мы да в полымя!

Из-под кнута-то отчего,
Да под дубину отчима!
Тот Соловками потчевал,
А этот смертью потчует!

Коль две скрестились гибели,
Какое сыщешь снадобье?
Одну мы гибель выбрали,
Коль выбирать уж надобно!

Пока не заткнули кляпом
Клокочущий рот, пока
Не выгнали в ночь этапом
Под окрики с броневика,

— Загнаны в загоны.
А всё-таки живем! —
Пока, как в огонь, в вагоны
Не побросали живьем,

Пока не сбиты кучей
За проволокой колючей
И сыновья и дочери
Под пулеметные очереди —

Пока еще есть выход,
Выход и тьма выгод:
Стеклышком обыкновенным,
(Только острей выточь!),
Раз полоснёшь по венам —
И никаких выдач!

Лучше массой аморфной!
Назад отступить — куда ж?
Пока еще есть морфий,
Веревка, шестой этаж —

Пока еще не на слом,
Дышим еще покамест —
Гневу псалом!
Ненависти акафист!

З В Е З Д Ы

Моему отцу.

Колыхались звездные кочевья.
Мы не засыпали у костра.
Шумные тяжелые деревья
Говорили с нами до утра.
Мне в ту ночь поэт седой и нищий
Небо распахнул над головой.
Точно сразу кто-то выбил днище
Топором из бочки вековой!
И в дыру обваливался космос,
Грузно опускался млечный мост,
На смерть перепуганные сосны
Заблудились в сутолоке звезд.

— Вот они! Запомни их навеки!
То Господь бросает якоря!
Слушай, как рыдающие реки

Падают в зеленые моря!
Чтоб земные горести, как выпив,
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!
Как бы ты ни маялся и где бы
Ни был — ты у Бога на пиру...
Ангелы завидовали с неба
Нашему косматому костру.

За окном — круги фонарной ряби.
Браунинг направленный у лба.
На каком-то чертовом ухабе
Своротила в сторону судьба.
Рукописи, брошенные на пол. —
Каждый листик — сердца черепок.
Письмена тибетские заляпал
Часового каменный сапог.
Как попало комнату забили,
Вышли. Ночь была уже седа.
В старом грузовом автомобиле
Увезли куда-то навсегда.

Ждем еще, но всё нервнее курим,
Реже спим, и радуемся злей.
Это — город тополей и тюрем,

Это — город слёз и тополей.
Ночь. За папиросой папироса,
Пепельница дыбится, как еж.
Может быть, с последнего допроса
Под стеной последнею встаешь?
Или спишь, а поезд толчет версты,
И тебя уносит в темноту...
Помнишь звезды? Мне уже и к звездам
Голову поднять не вмоготу.

Хлынь, война! Швырни под зубья танку,
Жерла орудийные тарашь!
Истаскало время наизнанку
Вечности принадлежащий плащ!
Этот поезд, крадущийся воровом,
Эти подползающие пни...
Он скулил, как пёс под семафором,
Он боялся зажигать огни.
Чашами и насыпями заперт,
Выбелен панической луной,
Он тянулся медленно на запад,
Как к постели тянется больной.

В небе смерть. И след ее запутан.
И хлеща по небу на ура,
Взвили за шпицрутеном шпицрутен

С четырех сторон прожектора!
За свободу вырванную ратуй!
Смерть уже свистит над головой!
Смерть уже от лопасти крылатой
Падает на землю по кривой.
...Полночь, навалившаяся с тыла,
Не застала в небе и следа.
Впереди величественно стыла
К рельсам примерзавшая звезда.

Мы живем, зажатые стенами
В черные берлинские дворы.
Вечерами дьяволы над нами
Выбивают пыльные ковры.
Чей-то вздох из глубины подвала:
— Господи, услышим ли отбой?
Как тогда мне их недоставало,
Этих звезд, завещанных тобой!
Сколько раз я звал тебя на помощь, —
Подойди, согрей своим плечом.
Может быть, меня уже не помнишь?
Мертвые не помнят ни о чём.

Ну, а звезды. Наши звезды помнишь?
Нас от звезд загнали в погреб.
Нас судьба ударила наотмашь,

Нас с тобою сбила с ног судьба!
Наше небо стало небом черным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звезды выдернуты с корнем,
Наши звезды больше не горят.
В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покорясь,
В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!

Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет.
И глаза мы к небу не подыдем,
Потому, что знаем: неба нет.

Родина! Мы виделись так мало,
И расстались. Ветер был широк,
И дорогу песня обнимала,
Верная союзница дорог.

Разве можно в землю не влюбиться,
В уходящую из-под колёс?
Даже ивы, как самоубийцы,
С насыпей бросались под откос!

Долго так не выпускали ивы, —
Подставляя под колёса плоть.
Мы вернемся, если будем живы,
Если к дому приведет Господь.

По стенам комнатухи разбросаны
Наших кленов последние письма
Это всё, что осталось от осени,
Это всё, чем к зиме запаслись мы.

С той поры, как с тобой мы подхвачены
Этим роем, по миру носимым —
Мы привыкли готовиться начерно
И к разлукам, и к бедам, и к зимам.

Что с того, что мы делаем промахи?
Вся-то жизнь, что ни день — то и промах.
Где-то в мире раскиданы холмики
И родных, и друзей, и знакомых.

За какими озерами синими,
Под каким неисхоженным кряжем,
Под какими крестами без имени
На разлуку последнюю ляжем?

Слушай, Господи! Жизнь уже порвана.
Одари хоть когда-нибудь щедро.
Раздели между нами Ты поровну
Эти два с половиною метра!

Снова Муза моя взаперти.
А просил я ее о немногом.
Хоть подкову на счастье найти
И прибить у себя над порогом.

На деревьях плоды вороша,
Наливается соками август.
И, как плод, тяжелеет душа
И молчанье становится в тягость.

Эту плотную ночь расколоть
Может только певучее слово.
На земле человеку Господь
Утешения не дал иного.

Вячеславу Завалишину

Уже закаты прикипают к кленам,
Уже дрожит святая гладь чернил.
И сердца предосенние знамена
Необоримый ветер накренил.

И сердце снова выдумками бредит
Но день пройдет, как проходили все,
И тот же самый грузовик проедет
По асфальтированному шоссе...

Оставлю дом. Стучаться буду в сотни
Чужих дверей, но дома не найду.
И где-то в самой грязной подворотне
Мне суждено споткнуться о звезду.

Мой скудный мир! Он обернется щедрым,
И станет на мгновение видна
Береза, захлебнувшаяся ветром,
Возникшая из черного вина.

И в память мне листвою она ворвется,
И детством, и оконцем, и крыльцом,
И крышей, и бревенчатым колодцем,
И матери исплаканным лицом.

И прошумит родительским порогом:
— Мой бедный сын! Тебя зовут сады.
Мой бедный сын, идущий по дорогам,
Оставленный на произвол звезды!

Не страшен эшафот. Позорный столб не страшен,
Ни гибель на костре, ни смерть на колесе,
Когда колокола оповещают с башен,
Когда на площади тебя увидят все.

Пусть кони хмурые волочат к месту казни,
И стража по бокам, и взведены курки.
Подскакивай, фургон, и в колее завязни!
Смыкайтесь, улицы, в сплошные тупики!

Еще милей дома. Заря еще огромней,
Все подоконники наводнены людьми.
Ты, липа встречная, приветствуй и запомни.
Во славу смертника, столетняя, шуми.

Твой дьявольский кортеж, твой сумасшедший выезд,
С помоста брошенное зрителям bon mot —
На этих зданиях, на этих лицах выест
Неизгладимое и гневное клеймо.

Что ты не оценил, — мы за тебя оценим.
Теперь любой из нас легко бы жизнь отдал,
Чтоб умереть, как ты, — поднявшись по ступеням.

.....

Мы — те, кто умирать спускается в подвал.

Борису Нарциссову

Видно, дела плохи
Великолепной эпохи:
Полицейские атташе
При каждой живой душе.

А ведь была ж когда-то
Без кляпа во рту душа
У обезьяны мохнатой,
Вышедшей из шалаша,

Прислушивающейся к дебрям,
Таящейся у корчаг,
В единоборстве с вепрем
Отстаивающей очаг!

А ведь была ж обида
У глядящего из-под лба,
Воздвигавшего пирамиды
Египетского раба!

И вера была — знамя!
Раскольничий поп с костра
Просовывал сквозь пламя
Мятежные два перста!

Пел — на костре скорчась!
Слушай — сегодняшний, ты!
Где же твоя гордость?
Где же твои персты?

ЛУНЫ

I

Луна огибает барак
Какого-то сна отголосок
Донесся из груды коряг,
Из черного штабеля досок.

То ночь занялась грабежом,
И я уже вижу и слышу,
Как длинным зеленым ножом
Луна перерезала крышу.

Ты вынырнешь из-за угла,
И грязь этих улочек выдашь.
Куда тебя ночь завела?
Ты плачешь, небесный подкидыш?

Ты тянешь алмаз по стеклу,
И близишься всё вороватей,
И чертишь на голом полу
Тоску двухэтажных кроватей.

Ну что, разглядела вблизи?
Теперь убирайся за сосны!
Оттуда сквози. Погрузи
Навеки в раствор купоросный.

Как хочешь, меня озирай.
Но только, ты слышишь, не сетуй!
Мне домом не этот сарай,
И ночью дышу я не этой.

II

Не надо их. Оставь. Они жестоки.
В иные дни перо переноси.
Переночуем во Владивостоке,
В одном из дивных тупиков Руси.

Представим так: Абрекская. Пригородок.
Сметает ветр осеннюю труху.
Ах, почему так мил мне и так дорог
Домишко, выстроенный наверху?

В нем каждый камень выложен был дедом.
Он с давних пор принадлежал отцу.
Открытый настежь всем ветрам и бедам,
И нищете, как верному жильцу.

Что помню я? Те впечатленья давни, —
И всё, что память наскрести могла,
Так это шум от падающей ставни
И вдребезги разбитого стекла.

Да вот еще отчетливы доселе
Стихами испещренные шелка.
Как будто бы вчера они висели,
Причудливо стекая с потолка.

Воспоминая пятнами из глуби:
То пропадут, то вымелькнут еще.
А вот отец в заиндевело́й шубе
С огромной елкою через плечо.

Но незачем насиловать нам память,
И разбивать о достоверность лоб.
И время нам дано переупрямить,
Вообразив, как течь оно могло б.

Оно текло вразвалку, по-цыгански,
Не ведая, где приклонить главу.
Однажды месяц тихоокеанский
Со мной ушел на дальнюю Неву.

III

Мне девять лет. Я только что с перона.
Я в первый раз на даче под Москвой.
Взлетевшая на каланчу ворона
Мне кажется огромною совой.

И месяц левитановский над стогом
Так робок, что не движется почти.
Он сам не знает, по каким дорогам
Ему придется в эту ночь идти.

— Ты видишь тракт? По нем когда-то с юга
Татары приходили на Москву.
Я слушаю, и жмурюсь от испуга,
К отцовскому прижавшись рукаву.

Я помню ночь. Так каждый мальчик помнит
Свой первый сон под новым потолком.
Всю эту крышу с полутьмою комнат
Сад облегал густым воротником.

Там света не было. И в щели дуло.
Всю ночь поскрипывал дверной запор.
Отец, ложась, к высокой спинке стула
На всякий случай прислонил топор.

Я всё не спал. Всё слышал крик татарский.
Там шла орда, повозки волоча.
А месяц плащ брильянтовый по-царски
Дарил земле со своего плеча.

IV

Как пристань отдалена!
Куда нас ветер забросил?
Расплавленная луна
По капле стекает с весел.

То — через волны — вперед.
То — между волн — в коридоре
Это вразвалку идет
Широкоплечее море.

Ветер! Волною завесь
Лодку! Вали ее на бок!
Кира, ты слышишь, я весь
Снова у губ твоих слабых?

Татарка моя! У тебя
Вишня запуталась в челке.
Мы уплываем, гребя,
Веслами раздробя
Эту луну на осколки.

V

Так же звезды барахтались в озере,
Был и месяц — такой же точь в точь.
Разметала последние козыри
Перед нами любовная ночь.

Если б знать, что дано нам выгореть,
Что любовь уплывет на плоту,
Что у дома простая изгородь
Проведет между нами черту,

Что дорога разлук неминуема,
Что она уже рядом легла.
Я убил бы тебя поцелуями,
Я бы сжег наше детство до тла.

VI

Я уже по-иному слышу,
По-иному глаза сильны.
Это ночь раскроила крышу
Оловянным кастетом луны.

... А, быть может, ты рядом, Лида?
Из окна мне записку брось.
Мы, как линии у Эвклида,
Параллельные, вечно врозь ...

Беспорядок мыслей бессонных,
Нет с ночами лунными сладу.
... Всё гуляет береза в кальсонах
Как сумасшедший по саду.

Ты разгребаешь пальцами тоску
И, наконец, разламываешь губы,
И сваливаешь грузную строку,
Как сваливают сосны лесорубы.

Не тронь ее: еще ей небо снится.
И топором не обрубай мечты!
Уже плывут куда-то по странице
Твоих стихов веселые плоты!

Пусть критики цепляются за сучья
И где-то пишут умные слова!
Есть у поэтов глупые созвучья,
Которым всё на свете — трын-трава!

Пусть ополчатся на твои стихи!
Их ремесло — пилить пилой тупую
За то, что не нанялся в пастухи,
Которые их гонят к водопою.

Будет холод в забытой квартире.
Будут лаять дворовые псы.
Кто-то бросит последние гири
На мои золотые весы.

И о землю ударится чашка,
Утомленная чашка весов.
И меня молчаливо и тяжело
Перекроет могильный засов.

И подыметя чашка вторая,
Всю земную прорвав шелуху.
Я не знаю, дойдет ли до рая,
Только знаю, что будет вверху.

Мы плыли вдоль улиц
(Мой дом, мой ковчег),
А к ночи наткнулись
На звезды и снег.
Мы здесь заночуем,
Здесь окна горды
Ночным поцелуем
Полярной звезды.
И куст, что от дома
За день отнесло,
До боли знакомо
Задел о стекло.
Дорога дневная
Шумна и пуста
И всё, что я знаю —
Доплыть до куста.
Всё, всё, что я знаю
О дне прожитом —
Всё — только дневная
Разлука с кустом.

Ночь руками вцепилась в снег.
Ночь готовится к трудным родам.

.....

С новым сыном, двадцатый век!
Современники, с Новым Годом!
Где вчера было сорок семь,
Уже выбито сорок восемь.
Слышишь, Господи, — миром всем
За младенца Тебя мы просим.
Видишь, Боже — пустился вплавь
Новорожденный Твой Титаник..
Капитана к нему приставь,
А не пять бестолковых няnek.
Прогони их с Твоей земли,
Тех, кто правит планетой, спятив.
Чтоб младенца не извели,
Как замучили старших братьев..
Дай святого в учителя.

О твоем милосердном чуде
Слышишь, — молится вся земля,
И деревья, и снег, и люди.
Не о счастье, — отвыкли совсем...
Мы Тебя о покое просим.

.....

Где вчера было сорок семь,
Уже выситя сорок восемь.

Спичка — девочке с косичками,
Спичка — женщине шальной.
Сердце — коробок со спичками —
Разошелся по одной.

Израсходовался дочиста,
Разлетелся задарма.
Так, что если очень хочется,
Разжигай меня сама.

Что стоишь ты в стороне?
Что ты смотришь в сторону?
Обо всем поведай мне,
Всё разделим поровну...

Знать, последняя весна
И тебя состарила...
Вот уже и седина
По вискам ударила.

Как тебя я уводил,
От людей выкрадывал —
Ветерок не находил,
Месяц не подглядывал!..

Что стоишь ты в стороне?
Что ты смотришь в сторону?
Обо всем поведай мне,
Всё разделим поровну...

Когда-нибудь и я столкнусь вплотную
Или завижу мельком в стороне,
Но не открою, а, как все, миную
Таинственную дверь в стене.

Так гомон переулков надоедлив
И так обычен этих зданий ряд,
Что мы проходим, шага не замедлив,
И стены с нами не заговорят.

Потом тоскуй и сожалея и сетуй —
Ты только время потеряешь зря:
Ни двери этой, ни щелкы этой
Ты не отыщешь в травах пустыря.

Ты никогда не возместишь потери
И до конца останешься смятен,
И будешь всё выпрашивать о двери
У равнодушных, безответных стен.

Переулок. Ограда. Фонарь.
Мотоциклы. Трамваи. Киоски.
И опять богатырь, как и встарь,
На высоком стоит перекрестке.

Кто-то строит и рушит жильё.
Чьи-то танки ползут по посевам.
Что ни год — тяжелеет копье,
Наливается горем и гневом.

Только вот супротивника нет,
И померяться силами не с кем
В этом мире смертельных ракет,
Что горят металлическим блеском.

Пусть Тугарин явился б, как встарь,
Показать свой разбойничий норов...
Хоть и погань, а всё-таки тварь,
А не смрадная кухня моторов!

Не топтать же конем саранчу:
Всю не вытоптать, сколько ни рыскай...
В мире зла нет и зла по плечу,
Чтобы ринуться в бой богатырский!

Не тупить же честного меча
О скелетики выродков хилых!
О, не кровь в этих жилах — моча
В этих гнилью пропитанных жилах!

Переулок. Ограда. Фонарь.
Мотоциклы. Трамваи. Киоски.
И стоит богатырь, как и встарь,
На высоком своем перекрестке.

Когда земля, вся в судорогах, ухнет
Последней ночью в свой последний век,
Когда звезда последняя потухнет —
Останется последний человек.

Он будет полудухом-полупрахом
Бежать сквозь одиночество и страх...
Таким же одиночеством и страхом
Я сжат сегодня в четырех стенах.

Нас раскидало по волнам,
По разным пристаням рассея...
И долго будет небо нам
Железным небом Одиссея.

И океан под нами смят,
И гибнуть нам, как древним грекам...
Как боги хаоса шумят
Над концентрационным веком!

Мы вновь у них перед судом,
Мы — к ним полавшие в немилость,
С тех пор, как в наш высокий дом
Их злая молния вломилась.

Навалило сугроб на полметра.
Ветер валит людей на дворе.
Только этого чортова ветра
Нехватало нам в этой дыре!

Вышел. Лужа у дома под струпом.
Оглянулся — и ветер мне мил:
Своротил он и радио-рупор,
И газетный киоск проломил!

Ветер, рви на заборе афишу!
Заметай всё кругом на версту!
Никакой ерунды не услышу,
Никакой чепухи не прочту...

Точно родник
Весь небосклон
Дивно глубок
Осень, тебя пьем.

Видишь — возник
Гибельный клен,
Раненый в бок
Солнечным копьем.

Страстию лик
Твой опален.
Этот клубок
Рвем — не разорвем.

Видишь — возник
Гибельный клен,
Раненый в бок
Солнечным копьем.

В смерть напрямик
С самых пелен
Гонит нас Бог.
Все скоро уснем.

Видишь — возник
Гибельный клен,
Раненый в бок
Солнечным копьем.

Сразу же за гаражем
И далее к мастерским —
Закат расстилался пляжем,
А небо — заливом морским.

Там осень гуляла Крезом,
А у нее за плечом —
Мешок со ржавым железом
И ломаным кирпичом.

Поэты за эту рухлядь
Кровью платили парной,
Пока в садах не потухли
Березы все до одной,

Поэты, кланяясь кленам,
Стояли по всем углам,
Кланялись, как обновленным
Кланяются куполам...

Но изорвалась в дырки
Вся эта мишура,
И осень, как рыжий в цирке,
Шлепнулась у ковра.

Только вверху, напоследок,
Целуя тебя, высота,
Бьются меж голых веток
Последние два листа.

Но с трапеции-ветки
Рухнут в небытие
Работающие без сетки
Сердца — твое и мое!

Там так же медленно краснеет верба
И за прудами топчется табун.
А за деревней океаны хлеба —
Хозяйничает золотой зыбун
От низких крыш до побережья неба.

Там домик на окраине пустой,
Похожий на забытого уродца.
И, невысоким солнцем залитой,
Там куст сирени у забора жметя,
И слышен скрип соседнего колодца.

Вот памяти последние гроши!
А может быть — обсчитан я жестоко,
И не были те годы хороши?
Но там я в детстве строил шалаши.
Я помню вкус березового сока.

Еще спешить по чуждым мостовым,
Еще наскучит не одна столица...
Но только б помнить этот дом живым!
Пускай он перед смертью мне приснится,
Мой детский дом с моим окном кривым.

ГОЛОСА С ЛУНЫ

За века обмелело небо,
Всё труднее Луны поворот.
Одноглазый товарищ! Где бы
Перейти это небо вброд?

Мы пройдем по горящим весям,
По земной золотой пыли,
На веселых звездах развесим
Изумрудную шкуру Земли.

Пусть засохнет! Пускай не грабит
Оскудевшего Солнца лучи.
Слишком сочны земные хляби
Для двуногой земной саранчи.

Уже видны рек коридоры
И массивы горных пород...
Одноглазый товарищ! Скоро
Перейдем это небо вброд.

Это смертью звалось. До того
Я не знал ее всех замашек.
Сразу стало много всего, —
Сколько лишних подушек и чашек.

Где искать за последней стеной?
Что, когда не найду и миную?
Смерть писала — куда, в накладной.
Кто прочтет ее накладную?

Одинаково далеко
И до ада идти, и до рая.
Словно грязное молоко,
На могиле земля сырая.

Дневных лучей осеннее литье
Торжественно ушло в небытие.

Торжественное небо надо мной
Поблескивает звездной сединой.

И слушают дорога и трава
Моей молитвы тихие слова.

Ты, Господи, оставил нас в огне,
Ты два тысячелетья — в стороне,

А мы, от века до конца — плати
За неисповедимые пути.

Немного прошу я — только дня,
Дня для земли без крови и огня,

Дня отдыха. Но только в этот день
Своей рукою солнце нам воздень,

И, может быть, тогда припомним мы
О Солнце Рая...

Моста электрический остов
Повис вдалеке над рекой,
И месяц, как гневный апостроф,
Поставлен Господней рукой.

От волн, от огней, от гранита
Скорей бы куда-нибудь прочь!..
Вся вечность враждебно открыта,
Как книга в бессонную ночь...

Сверкают ресторанные хлеба
Копеечным, заученным весельем.
Я прав, что я один. И ты права,
Что эту ночь с тобою мы не делим!

И я, в моей кромешной маете,
И ты, в своем скитании бессонном —
Медведицу отыщем в высоте,
Заломленную гневно над Гудзоном.

Мы правы, друг от друга отстранясь,
Упившись каждый собственной мукой.
Что может быть сильней, чем эта связь,
Пронизанная звездною разлукой?

. . . И воробей на фонаре
И набережная с закатами,
И размышленья о добре,
О смерти, о любви, о фатуме.
Вся жизнь с вопросами проклятыми,
Всё, всё поместится в тире,
Поставленное между датами...

Как ночь эта памятна
Тревожным гудком,
Походкою мамонта,
Лунным клыком!

Мой город испуганный,
Мой каменный друг,
Мой город обугленный
Толпился вокруг...

Он всеми заставами
Шел на вокзал,
Он домом оставленным
На рельсы сползал,

Он грозно ощеривал
В небе столбы,
Он каждое дерево
Рвал на дыбы!

Мне путь загоразивал
Каменный вал.
Город мой заживо
Меня отпевал.

Смерть? Погибель? Конец? Неправда!
Кто упал? Обессилел кто?
Знаю я: не сегодня, так завтра,
А не завтра, так через сто,
Через двести лет, через триста —
(В смерти верить не перестаю!)
На земле моей будет чисто,
Бог умоет землю мою.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

Предисловие	5

I. Город юности:

Усталый город пал в ночное лоно	11
Там улица кончалась. Там	12
Так. Маскарад вечерний начат	13
Апрель! Я болен этой датой!	14
Так. Детство ранено навывлет	15
Тяжеловесные струи	16
Эти облитые кровью	17
Андреевская церковь	18
Наотмашь бьет по векам ветер меткий	19
В океане сумрак долог,	20
У кормы дубовой сядем	21
Встали за ночь сугробы в сажень	22
Горят за окнами напротив	23
Вот мы покинули порт!	24
Остановись — бокал не допит	25
О Россия — крошечная тьма	26
Еще ломаем руки в гневе	27
Обуглен ветром сад	28
Где у мола грузили арбузы	29
Степь. И всходит месяц белесый	30
Ни зги, но ветер	31
О снег врасплох! О гибельный набег	32
У зимних яблонь — твердый наст	33
Отгалкивался дым от папирос	34
Моя пепельница	36
Там сук над водой перегнут	38
Там тень извозчика на козлах	39
Терцины — акростих	41

Брызги охры и кармина — осень!	42
По зимнему бор оскален	43
Чернильница! Досталось и тебе	44
Как руки — властители клавиш	45

II. Смертью подуло:

Всё помню об этих ивах	49
Муза мстит. Всю дневную склоку	50
Одеялом завешаны стекла	51
О нет ни гнева, ни обиды	52
Октавы	53
Еле виднеется	55
Гнулись ивы в три погибели	56
Любезная сердцу осень!	57
Ты вся — эскиз карандашом	58
Вот вечер — медлит и плывет	59
Звенит трамвай, скрипят телеги	60
Сон	61
Их было много — золотистых ливней	62
Смеркается. И запах хвои слаще	63
Как вечерами тротуары глухи	64
Мы едем. Улицею ли?	65
В парадном ночь и стужа. В две коптилки	66
Осада	67
Они прошли по тысяче дорог —	68
Скабрезно каркнув, пролетает грач	69
Осунувшись и сгорбясь и унизясь	70
Камаринская	71
Там небо приблизилось к самой земле	72
Не помышлять, не думать об уюте	73
В палисаднике шесть занозин	74
Слова, что камень — никогда не дрогнут	75
Уже последний пехотинец пал	76
Топчемся, чужую грязь меся	77
Думал — осенью буду счастливым	78
Год за годом — верста за верстой... ..	79
Подводила к высокому вязу	80
Лужицы, как цинковые миски	81
Каштановым конвоем	82
День отступит, тьма поборет	83

Кончается ночь снеговая	84
Млечный путь осел на колею	85
Ты — подброшенная монета	86
Так ненужно, нелепо, случайно	88

III. Музей войны:

Спят на фасаде даты	93
От полустанка до полустанка	96
Строили да рухнуло	97
Я проходил по улицам чужим	98
Из Дагмар Ник	99
Кто нам солгал, что умерла война?	100
За то, что руку досужую	101
Что останется? Ржавчина свалок	102
Кому-то кто-то что-то доказал	103

IV. Ты, мое столетие:

Тупик. И выход ни один	107
Бомбы истошный крик	108
Над ветлами, над ульями	110
Пока не заткнули кляпом	112
Звезды	114
Родина! Мы виделись так мало	119
По стенам комнатухи разбросаны	120
Снова Муза моя взаперти	121
Уже закаты прикипают к кленам	122
Не страшен эшафот	124
Видно, дела плохи	125

Луны:

I. Луна огибает барак	129
II. Не надо их. Оставь. Они жестоки	131
III. Мне девять лет	133
IV. Как пристань отдалена!	135
V. Так же звезды барахтались в озере	136
VI. Я уже по-иному слышу	137

	<i>Стр.</i>
Ты разгребаешь пальцами тоску	138
Будет холод в забытой квартире	139
Мы плыли вдоль улиц	140
Ночь руками вцепилась в снег	141
Спичка — девочке с косичками	143
Что стоишь ты в стороне?	144
Когда-нибудь и я столкнусь вплотную	145
Переулок. Ограда. Фонарь	146
Когда земля, вся в судорогах, ухнет	148
Нас раскидало по волнам	149
Навалило сугроб на полметра	150
Точно родник	151
Сразу же за гаражем	152
Там так же медленно краснеет верба	154
Голоса с луны	155
Это смертью звалось	156
Дневных лучей осеннее литье	157
Моста электрический остов	158
Сверкают ресторанные хлева	159
...И воробей на фонаре	160
Как ночь эта памятна	161